

К юбилею главного редактора священника Георгия Кочеткова (поздравления членов редакционного совета)

Протоиерей Джон Эриксон

*д-р канонич. права, почетный профессор церковной истории
Петра Н. Грамовича и бывший декан Свято-Владимирской
Православной духовной семинарии*

Имя отца Георгия оживляет в памяти образы многих друзей и наставников. В молодости мне посчастливилось познакомиться с большим числом замечательных людей, чьи труды и личные свидетельства теперь являются частью духовного наследия Свято-Филаретовского православно-христианского института. Прежде всего я вспоминаю моих учителей и старших коллег из Свято-Владимирской семинарии — протопр. Александра Шмемана, протопр. Иоанна Мейендорфа, Николая Арсеньева, Сергея Верховского, Софью Куломзину и многих других. Я помню тех, кто приезжал к нам из Западной Европы — еп. Василия (Кривошеина), протопр. Бориса Бобринского, Элизабет Бер-Сижель, Павла Евдокимова... Я помню то, что они рассказывали о своих наставниках в православной вере — протопр. Николае Афанасьеве, архим. Киприане (Керне), прот. Сергии Булгакове...

Труды и жизнь этих замечательных людей нашли отражение и в работах о. Георгия Кочеткова, и в просветительской деятельности института, и в научных материалах его ежеквартального журнала.

Когда я посетил институт и братство во время своей поездки в Россию весной 2019 г., то сразу почувствовал себя как дома. Всплыли воспоминания прошлого. Но что еще более важно, открылось пространство для новой памяти. Моя взрослая жизнь в основном связана с кругами Русского Зарубежья. Благодаря о. Георгию и его сподвижникам я узнал о религиозной жизни в послереволюционной России: о новомучениках и исповедниках веры, совершавших молитвы и богослужения в тюрьмах и лагерях, за пределами закрытых и уничтоженных храмов. Я как будто слышал голоса муче-

ников, среди которых и о. Павел Адельгейм, и о. Александр Мень. Для меня, как, безусловно, и для многих других, о. Георгий соединил воедино два мира, которые на протяжении многих десятилетий оставались трагически разделенными: мир русской религиозной мысли и опыт новых русских мучеников.

На протяжении десятилетий разделения, вызванного революцией в России, православные христиане в Америке и Западной Европе были вынуждены приспособливаться к ситуации эмиграции, иногда много раз менять место своего жительства. Но было бы ошибкой думать о них как о людях, оторванных от почвы или лишенных корней. Православие, перемещенное на другую почву, оставалось жизнеспособным, а иногда даже бурно развивалось. На Западе русские эмигранты строили церкви, зачастую очень скромные, а иногда очень величественные. У них были возможности — не всегда до конца реализованные — развивать церковное устройство, основанное на принципах соборности, провозглашенных Всероссийским Церковным Собором 1917–1918 гг. Православные христиане в эмиграции пережили литургическое возрождение, основанное на евхаристической экклезиологии протопр. Николая Афанасьева, протопр. Александра Шмемана и других. Они научились жить в плюралистическом обществе. По большей части в своих приходах они поют, молятся и читают проповеди на языке той страны, в которой они живут. Все больше прихожан и духовенства входят в православную церковь уже взрослыми, часто после определенного периода поисков.

В основном это, скорее, позитивные процессы. Они могут служить примером для православных христиан в России и в других странах Восточной Европы. Однако следует высказать и некоторое предостережение. Для православных христиан на Западе жизнь церкви связана в первую очередь с жизнью прихода. Православные приходы на Западе весьма разнообразны: довольно большие и совсем маленькие; имеющие ярко выраженный этнический колорит и гордящиеся тем, что они всеправославные; почти полностью состоящие из новообращенных и включающие православных во многих поколениях. Но, несмотря на множество различий, эти приходы демонстрируют определенное сходство. Они легко становятся самодостаточными, гордятся своими достижениями: дружеским общением за чашкой кофе, великолепием нового храма, совершенством хора, особым благочестием, глубина которого устанавливается по различным внешним

признакам (головные платки, четки, поклоны, лобызание икон). При таком подходе к христианской жизни церковь легко может стать самодостаточной рутинной, делом привычки, а не глубокой вовлеченности. Как любил говорить мой покойный коллега протопр. Фома Хопко: «Прежде, до евхаристического возрождения, мы *не причащались* в храмах, следуя привычке; а теперь мы так же *причащаемся* — по привычке».

Часто говорят: «Россия была крещена, но не просвещена». Точно так же можно было бы сказать о православии в Америке, что оно пережило и крещение, и евхаристическое возрождение, но так и не было просвещено (катехизировано). Часто люди знакомы с различными аспектами православной традиции, с историей православной церкви, с догматическими особенностями и литургической практикой, вплоть до мельчайших деталей богослужебного устава. Но, как неоднократно словом и делом напоминает нам о. Георгий, катехизация не сводится к получению информации. Она включает в себя переориентацию жизни, изменение ценностей, распознавание темных сил, действующих в жизни, и отречение от них, освобождение от власти идолов. Она означает усвоение содержания христианской веры, выражением которого становится *мартирія* (μαρτυρία) — мученичество, свидетельство веры во всех сферах жизни.

В коротком очерке, написанном в 1976 г. к двухсотлетию США¹, о. Александр Шмеман напомнил православным христианам в Америке: любить — значит помнить, а помнить с любовью — это значит по-настоящему понимать то, что помнишь, вновь обрести это как Божий дар. По случаю семидесятилетия о. Георгия Кочеткова хочется вспомнить его огромный вклад в церковную жизнь, а вместе с тем и вклад всех тех, кто уже ушел как в Русском Зарубежье, так и в России. Мы призваны вспоминать их с любовью. Мы больше не можем принимать сделанное ими как должное. Мы не можем просто повторять их слова по привычке, как заученный урок. То, что стало привычным, должно быть заново осознано. То, что мы, возможно, принимали как должное, должно быть вновь узнано и обретено как дар Божий. Пусть этот юбилей станет поводом, чтобы вспомнить; а чтобы мы помнили с пониманием — давайте помнить с любовью!

1. См.: Шмеман Александр, протопр. Православие и американский юбилей // Он же. Собрание статей 1947–1983. М.: Русский путь, 2009. С. 585–589. — *Прим. ред.*

Дьякон Василий (Карл Христиан) Фельми

д-р богословия, почетный доктор Московской духовной академии и богословского факультета Бухарестского университета; ординарный профессор кафедры истории и богословия христианского Востока Эрлангенского университета (Германия)

Мы познакомились с о. Георгием Кочетковым в конце XX в. через профессора Фэри фон Лиленфельд — мою предшественницу по кафедре в Эрлангенском университете, а также через Сергея Сергеевича Аверинцева. В ту пору я был еще протестантом и во время моих визитов в Москву несколько раз молился за богослужением в храме Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках, настоятелем которого тогда был о. Георгий. В 2007 г. я принял православие и в интервью болгарскому журналу рассказал о своем изменившемся отношении к православию и о переходе в Православную церковь. Отец Георгий прочитал перевод интервью и был первым, кто позвонил и поздравил меня с этим шагом. С тех пор меня связывают тесные отношения с о. Георгием и Свято-Филаретовским институтом. Позднее я стал членом Попечительского совета института и получаю все журналы и газеты, которые в нем издаются. И, конечно, читаю книги о. Георгия и высоко ценю их, особенно его труды по экклесиологии, потому что мы оба — ученики покойного протопр. Николая Афанасьева, — и это тоже нас связывает.

Несколько раз я был приглашен с докладом на конференции Свято-Филаретовского института, имел возможность лично общаться с о. Георгием, и наши отношения стали еще ближе. В издательстве Свято-Филаретовского института вышли два издания моей книги «Введение в современное православное богословие». Я особенно дорожу последним изданием², потому что в нем есть очень хорошее предисловие о. Георгия, которое мне нравится даже больше, чем моя книга.

Я часто бывал в Свято-Филаретовском институте и мог наблюдать его постоянное развитие. Вначале в нем училось не очень много студентов, но сейчас у института есть новое здание (которое я пока еще не видел), и это, конечно, очень важный знак его роста. Я очень высоко ставлю не только книги о. Георгия, но и его

2. Фельми К. Х. Введение в современное православное богословие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2019. 384 с.: 8 цв. ил. — *Прим. ред.*

переводы богослужения на русский язык. Когда я познакомился с православным богослужением, оно совершалось или на немецком, или на церковнославянском языке, и лишь несколько раз я присутствовал на русском богослужении у о. Георгия. Мне церковнославянский язык ближе, но это моя личная история. Однако я считаю очень важным столь серьезное отношение о. Георгия к священным текстам и его труд по созданию качественного перевода богослужения. Это очень важно как для членов Свято-Филаретовского института, так и для тех православных людей, которые пользуются переводами.

Хочу еще раз поздравить о. Георгия с семидесятилетием и пожелать ему помощи и милости Божьей, здоровья для будущего служения в институте и для свидетельства людям, которые читают его книги и слушают его выступления.

Петрос Василиадис

д-р богословия, руководитель аспирантуры факультета православно-экуменического богословия Международного греческого университета, почетный президент Центра экуменических, миссиологических и экологических исследований (CEMES)

Моя первая встреча с о. Георгием, ректором Свято-Филаретовского православно-христианского института и духовным попечителем Преображенского братства, состоялась два десятилетия назад, когда по любезному приглашению Давида Гзгзяна я посетил институт в его помещениях на улице Покровка, чем-то напоминавших древние катакомбы. Вторая встреча состоялась на первой ежегодной конференции по православной духовности в Бозе, и с этого времени я стал постоянным участником научно-богословских конференций Преображенского братства и института, святой покровитель которого — знаменитый митрополит Московский Филарет.

Как председатель Центра экуменических, миссиологических и экологических исследований (CEMES), покровитель которого другой митрополит, Пантелеимон (Папагеоргиу) из Салоник, и который, подобно СФИ, также является инициативой церковного возрождения в Греции; как один из переводчиков Библии на современный греческий язык, испытавший на себе те же трудности и то же противостояние, что когда-то испытывал святитель Филарет; как участник создания Синодальной комиссии

по литургическому обновлению Греческой церкви, я счел для себя особой честью любезное приглашение стать членом Попечительского совета СФИ.

Поэтому с большой радостью и удовлетворением я хотел бы воздать должное о. Георгию как духовному лидеру, взгляды и устремления которого мне очень близки. Я сосредоточу свое внимание на его инициативах по содействию библейскому и литургическому обновлению нашей церкви и пробуждению ее ответственности за экуменическое примирение. Если в XIX в. для ответственного пастыря и церковного лидера минимальная задача заключалась в том, чтобы сделать Слово Божье доступным для верующих через перевод Библии на понятный им язык, то сегодня, в XXI в., для того чтобы продолжить эту традицию, нужно больше — необходимо развивать библейскую науку.

Есть два элемента, которые являются наиболее насущными для обновления современной православной церковной жизни. Эти два элемента представляют собой то, что, по сути, в корне отличает Церковь от законнического мирского учреждения (каким она стала под влиянием западной схоластики и восточной капитуляции перед националистической геополитикой) и перепределяет ее как духовную тайну, как «тело Христово», «народ Божий» и «общение Святого Духа». Эти элементы: (а) новое открытие слова Божьего, Евангелия Христа, записанного в Библии (разумеется, научно удостоверенного и верно истолкованного), как матрицы православного богословия и жизни; и (б) новое открытие реального и подлинного смысла «евхаристического события». Эти элементы известны в теологии, соответственно, как библейское и литургическое обновление. Это особенно важно в период, когда наши институциональные церкви отвергают даже минимальное православное литургическое обновление — перевод литургии, в том числе библейских текстов, в качестве вспомогательной меры, которая, несомненно, дала бы возможность верующим лучше понять богатство нашей библейской и литургической традиции.

Все это, и особенно нежелание нашей церкви радикально менять отношение к библейскому, литургическому и экуменическому обновлению, является результатом неосознаваемой *утраты пророческого характера Церкви*. И именно здесь Преображенское братство и лично о. Георгий приложили все свои силы, чтобы заново открыть традиционное священство всех верующих. Давайте вспомним, что именно эти элементы (центральная роль библей-

ской вести; стремление к единству; акцент на свидетельстве, а не на сохранении традиционной веры; глубокое внимание к современному контексту, предполагающее заимствование философского языка и элементов культурной среды; и, конечно, пророческий голос Церкви, обращенный к миру) были основными духовными средствами, которые помогли крошечной еврейской секте (раннехристианской общине) завоевать могущественную Римскую империю.

Если немного углубиться в этот вопрос, то можно смело утверждать, что наша церковь (и это относится ко всем христианским церквям) постепенно, шаг за шагом, отодвинула на задний план те самые характеристики Церкви, которые мы исповедуем в Символе веры, т. е. ее единство, ее святость, ее кафоличность и апостольство.

Чтобы не заниматься лишь «критическим богословием» по отношению к текущей ситуации и при этом выжить в современном постмодернистском мире, нам нужно заново открыть для себя смысл литургии. А это можно сделать, только восстановив утраченные элементы еще ветхозаветного предания. Разве не так поступали отцы Церкви в Золотом веке применительно к тогдашним обстоятельствам? Только возвращаясь к истокам литургической практики народа Божьего, можно объяснить, что произошло, как христианская литургия из *радикального* события христианского свидетельства стала *самоцелью*, потеряв почти весь свой динамизм. Только так можно осознать важность Библии для свидетельства Церкви и, конечно же, отвергнуть страшное фундаменталистское толкование Писания. Только тогда мы сможем осознать исключительную важность глубокого литургического обновления.

Народ Божий развивал свое литургическое служение в соответствии с идеей *Завета*, в особенности через служение народа Богу и друг другу, вспоминая о событиях Исхода, когда израильтяне испытали на себе действие освободительной благодати Божьей. Поэтому литургия — что подчеркивалось всеми, кто ратовал за обновление, и прежде всего, православными братствами — изначально понималась как обязанность поклоняться Богу, который в конкретных исторических обстоятельствах привел народ к освобождению, спасению, справедливости и миру. Такая литургия народа Божьего была также постоянным напоминанием о тех нравственных и этических нормах, которые этот народ обязался соблюдать, а также о необходимости противостоять любому угне-

тению и эксплуатации своих собратьев, как мужчин, так и женщин. В этом смысле община *исповедующих* была в то же время общиной *свидетельствующих*.

Гнев Иисуса, обращенный против менял в храме, весьма показателен и свидетельствует об изменении ситуации. Его неоднократные напоминания о том, что милость (*ἐλεός*) больше жертвы, являются еще одним указанием на истинную цель литургии. Почти все православные братства возникли как реакция на институциональную стагнацию священнической власти и ее капитуляцию перед светской властью.

В самом деле, таинство Церкви подлинно переживается в молитвенной литургической жизни, через которую верующие приводятся к Царству Божьему и пророчески приобщаются к нему. Если учесть литургический характер православного богословия и неизменное признание почти всеми православными важности *литургии* в экуменическом диалоге (причем порой она ставится даже выше слова Божьего), станет ясно, что точный смысл и богословская значимость христианской литургии, как она описана выше, являются непреложным императивом, *sine qua non*. И значение любого движения обновления, такого как Преображенское братство, возглавляемое о. Георгием, всегда зависело от подлинного *пророческого* понимания нашей литургии.

Христианская литургия, постепенно дистанцируясь от иудаизма, разработала, подобно другим религиозным системам, новую *этику*, новую *форму молитвы* (богослужения) и новое *учение*, основанное на том, что делал и чему учил исторический Иисус. В древнейших слоях евангельской традиции проповедь Иисуса, хотя и была сосредоточена на традиционном мессианском ожидании Царства Божьего, подчеркивала Его близость к Богу как к Отцу (*авва*), а не как к Царю (ср. самоназвания и ранние церковные определения Христа: «Сын Человеческий» и «Слуга Божий» чаще, чем «Сын Давидов»). Наследниками Божьего Царства были в первую очередь «бедные», в то время как те, кто приобретал власть и богатство всеми способами, даже связанными с традиционным поклонением Богу (например, случаи поста, требования ритуальной чистоты, правила общей трапезы и т. д.), подвергались суровой критике со стороны Иисуса. Это учение, несомненно, достигло кульминации в притче о Страшном Суде, которая справедливо называется *Великой хартией* христианской доктрины и этики^{*1}.

*1 Мф 25:32–46

Все слои древней евангельской традиции неизменно представляют исторического Иисуса, который неуклонно следует традиции пророков, постоянно возвещая неприятие сложившейся системы ритуального служения с его экономическими механизмами, нарушающими справедливое устройство общества, а также создавая образ экономики, ориентированной не на несправедливое накопление богатства, а на ежедневную экономию, и призывая учеников служить Богу, прося Его: «Хлеб наш насущный подай нам *на сей день*»^{*1}.

^{*1} Мф 6:11

Если к этому добавить новозаветные свидетельства из жизни ранней церкви, установление общей собственности в раннехристианской общине и особенно новаторский проект апостола Павла по сбору средств, конечной целью которого был идеал равенства и равного распределения материальных благ, то, несомненно, библейский взгляд на литургию не может быть иным, чем тот, что определяется законом Бога справедливости, где на первом месте стоят люди, а не мамона; а это ведет к принципам устойчивого развития, а не к наживе и накоплению богатства.

Иными словами, это такое духовное и разумное богослужение, которое провозглашает, что все материальное богатство имеет своим *источником* Бога, а не Его творение, т. е. человечество. Ибо «*Господня земля и что наполняет ее*»^{*2}. Этические и социальные следствия этого библейского понимания литургии проявляются еще более четко, если принять во внимание учреждение о дне субботнем и субботнем, юбилейном, годе, а также если учесть богословское значение учения апостола Павла о стяжании, об экономической самостоятельности (*αυτάρκεια*) и его проект по сбору средств, богословским следствием которого стало равенство и равное распределение и общение имуществ. Сюда же можно отнести политические и социальные аспекты того, о чем говорится в книге Откровения (автор которой пророк и визионер), а также радикальное этическое учение в Послании Иакова (которое Лютер, к слову, совершенно несправедливо называл когда-то «соломенным»³ посланием).

^{*2} Пс 24:1

До Золотого века христианства восприятие литургии, а также литургический опыт христианской общины были немыслимы без ее социальной составляющей. Этот социальный аспект, столь

3. Лютер называл Послание Иакова «посланием (сделанным) из соломы» (см. 1 Кор 3:12) в сравнении с Евангелием от Иоанна и первым посланием

ап. Иоанна, посланиями ап. Павла, в особенности к римлянам, галатам и ефесянам, а также первым посланием ап. Петра. — *Прим. ред.*

отчетливо проявившийся в Новом завете, использовался и в дальнейшем обновлялся в трудах свв. Иустина и Иринея и особенно в трудах главных фигур, сформировавших литургию Церкви, — свт. Василия Великого и свт. Иоанна Златоуста. Неслучайно даже до времен свт. Илария Пиктавийского сохранилось следующее довольно интересное напоминание: «Мы пытаемся достичь недостижимого... и вместо простой молитвы вынуждены даже серьезные вопросы веры выражать человеческим языком, подвергая их риску искажения»^{*1}.

*1 Ср. St. Hilary of Poitiers. De Trinitate. II. 2. 4

Протоиерей Георгий Флоровский и протопр. Александр Шмеман считают этот период церковной жизни (до признания церкви официальной религией Римской империи), а, следовательно, и такое понимание литургии, выражением подлинного православия. По ряду причин многие православные общины отказались от миссионерской перспективы, как и от традиционного библейского понимания христианской литургии в пользу более высоких богословских и доксологических смыслов богослужения.

Даже величественная традиционная архитектура базилики с ее яркой миссионерской символикой церкви как парусного корабля (ср. Церковь как ναὸς ἑκκλησίας, отсюда «Наос» — Неф и т. п.) была почти полностью заменена на востоке архитектурным чудом Святой Софии, символизирующим путь не *вперед*, а *вверх* (соединение низшего с высшим), почти отказывающимся от миссионерской ответственности в истории. Ирония судьбы заключается в том, что единственное крупное миссионерское достижение Византийской церкви, описанное в знаменитой летописи о крещении Руси, следовало по тому же пути. Аналогичная траектория прослеживалась и на Западе, где на смену миссионерски ориентированной архитектуре пришли устремленные ввысь готические сооружения.

Заслуга о. Георгия как православного богослова в том, что божественным промыслом и водительством Святого Духа он через восприятие концепции «литургии после литургии» (о чем говорится в принципах Преображенского братства) восстановил в современной церковной жизни забытую веками библейскую, литургическую и миссионерскую ответственность православной церкви, а также заботу церкви об окружающем мире⁴.

4. Об этой задаче Православной церкви см.: Bartholomew I. *Encountering the Mystery: Understanding Orthodox Christianity Today*. New York; London; Toronto; Sydney; Auckland : Doubleday, 2008. 252 p.

В наши дни, когда общины раздроблены, а отношения нарушены; когда человеческие жадность и эгоцентризм ставят под угрозу как человеческое общение, так и планету Земля; когда даже среди православных возникают разделения, растут барьеры и создаются границы, позволяющие дистанцироваться от «другого» (любого другого, как православного, так и неправославного, слишком легко называемого еретиком, раскольником, номинальным или даже плохим христианином, плохим православным и т. п.), от нашего ближнего, от природы, и от абсолютного Другого — Бога и Его справедливости, пример о. Георгия внушает оптимизм и открывает перспективы для движения вперед.

Да дарует ему Господь многие лета жизни для продолжения служения и дела свидетельства!

Жорж Нива

*академик Европейской академии (Лондон),
профессор университета Женевы*

Приветствие наше к этому миру может казаться то банальным, то чудесным, но все мы ощущаем, что в этом присутствии скрыта тайна. Нас не было, и вдруг мы открываем, что мы — здесь, на какое-то время. И как только мы погружаемся в этот мир, каким он дарит себя нам, нас поражают два крайне противоположных явления, составляющих как бы «тайну в тайне»: зло и красота.

Так 5-го ноября 2010 г. начал свою лекцию в большой аудитории парижской Коллегии Бернардинцев французский поэт Франсуа Чен. Чен — китаец по происхождению; он эмигрировал во Францию, стал французом, французским поэтом и академиком французской Академии.

Поэзия Чена связана с китайским искусством и в особенности с китайским пейзажем. Католический поэт Поль Клодель в своем первом поэтическом сборнике тоже связывал китайское мироощущение с христианским миропониманием. Чен не совершает последний шаг навстречу Христу, но остро ощущает красоту Христа. Так ощущали ее святые (Бернард Клервосский или Сергей Радонежский), философы (Симона Вейль или Владимир Соловьев), математики, физики, люди театра (Лоран Терзиефф), не говоря о Достоевском — его Аглае и князе Мышкине.

Красота — путь к Истине, к Храму. Именно — путь, т. е. движение, паломничество. Церковь не раз и навсегда построенный храм, а постоянно меняющийся, молодеющий и обновляющийся храм.

Христианство совершает свой путь, порой блестящий, порой затемненный. Сегодня, когда Айя-София вновь стала мечетью, можно опять вдуматься в слова поэта:

И мудрое сферическое зданье
Народы и века переживает.
(О. Э. Мандельштам)

А каждая из наших личных историй? — в нашем жизненном пути также чередуются тень и свет, колеблется купол.

Отец Георгий, мне кажется, помогает многим начать путь к церкви и красоте; помогает именно идти, дойти — другое дело. Помогает ощутить свое присутствие в мире, эту «тайну в тайне», о которой говорит поэт Франсуа Чен.

Почти одновременно со стихотворением «Айя София» Осип Мандельштам написал и стихотворение «Нотр Дам». Он внимательно изучил «чудовищную архитектуру» собора Парижской Богоматери (15 апреля 2019 г. превращенного в полуруину) и написал:

...Из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам.

Дай нам Бог всем, каждому по-своему, создавать это прекрасное «из тяжести недоброй»!

Алексей Борисович Мазуров

*д-р ист. наук, профессор; ректор СФИ;
президент Государственного социально-гуманитарного
университета (Коломна)*

Наш дорогой юбиляр о. Георгий Кочетков прежде всего известен тем, что плодом его огромных усилий в современной Русской православной церкви явилось нечто совершенно новое, хотя и наследующее многовековую традицию, — Преображенское братство. Тысячи людей прошли через серьезную, глубокую катехизацию, сделали осознанный выбор и стали православными христианами не только по названию, но и по жизни.

Мне также очень дороги усилия о. Георгия по созданию и развитию первого в нашей стране негосударственного православного (да и любого другого!) вуза, начавшего свою работу

по квартирам еще в 1988 г. Ныне Свято-Филаретовский православно-христианский институт выделяется своим оригинальным лицом среди вузов теологического профиля. Здесь собран отличный работоспособный и высококвалифицированный коллектив. Через обучение в колледже, на программах бакалавриата и магистратуры, через повышение квалификации и переподготовку СФИ выполняет свою важную миссию — давать образование для жизни по вере. Здесь в полной мере реализуется исходное значение термина «образование» — восстановление образа Божьего в человеке, возрождение того, что питает его, дает вдохновение и силы, приобщает к традиции. Все это было заложено с самого начала создателем, вдохновителем, первым ректором СФИ (1988–2020 гг.) о. Георгием Кочетковым.

Александр Александрович Мелик-Пашаев

*д-р психол. наук; главный научный сотрудник
Психологического института РАО*

Знаю по опыту: нетрудно бывает говорить о том, что *уже существует* в мире — о фактах культуры, о законах природы или науки. Если в чем-то и ошибешься, то потом поправишься...

И как же трудно говорить о том, что *должно быть* и какими *нужно стать!* О вере, о любви, о совести, о творчестве... Тут ведь люди смотрят не на предмет, о котором ты информируешь, они смотрят тебе в глаза и невольно молча спрашивают: «Сам-то ты какой? Ты действительно веришь во все это? Пытаешься жить и творить как учишь?» И если нет, то не поверят ни тебе, ни тому прекрасному, о чем ты проповедуешь. Зато если да, то в устах такого человека самые простые слова, тысячекратно произнесенные другими людьми, приобретают новизну и необъяснимую силу убеждения.

Для этого не обязательно много знать о человеке, и таким человеком нельзя притвориться: некая правда как бы «оплотняется» в его внешнем облике, в интонации, в поведении. Помню, что с первой встречи с о. Георгием я узнал в нем человека, который стремится к этому идеалу: жить в соответствии с тем, что проповедуешь. Думаю, что с этим связана не только сила притяжения, которой он обладает, но, в большой степени, и успешность того, что ему удастся делать в этом мире — порой, казалось бы, вопреки обстоятельствам.

Позволю себе упомянуть еще об одной важной черте о. Георгия. Он — один из таких священнослужителей, которые не отделяют «высшую сферу» своего служения от всего мирского: от истории и социальности, от повседневной жизни людей, от науки, искусства, философии, а, напротив, стараются осветить все это с высокой точки зрения христианского пастыря и богослова. Мне кажется, это критически важно в наши дни: зарастить, наконец, застарелую трещину между религиозной и светской культурой, или даже больше — между высшим и земным мирами.

Безбожный интеллигент и бескультурный священник никогда друг друга не поймут. Поэтому так необходимы те, кто старается, по слову одного христианского писателя, «не отвергнуть, а спасти» все жизнеспособное в противоречивом мире.

Закончу словами, которые, наверняка, сегодня и в сердце, и на кончике пера у всех, кто поздравляет юбиляра: дай Бог Вам, глубокоуважаемый о. Георгий, еще многих лет, духовных и телесных сил для продолжения и укрепления Вашего дела!

Светлана Сергеевна Неретина

д-р филос. наук, профессор; главный научный сотрудник сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук Института философии РАН

Любовь и свобода — то, чем можно определить жизнь о. Георгия Кочеткова, действительно духовного попечителя Преображенского братства, призывающего к возрастанию в святости. Умение «слышать, видеть, думать и говорить», собственно, и означает для него жить и учиться так жить. В призыве жить не по шаблону, касающемуся самых сокровенных священных уставов, он видит особого рода порядок: порядок в свободе, каковой порядок призван эту свободу охранять — вопреки всему, что мы знаем о порядке. Одна такая мысль уже есть твердый и определенный поступок активного присутствия и участия в бытии, который позволяет увидеть среди множества христианских запросов, направленных в мир, иерархию текстов, обеспечивающих энергией стремление любого человека к постижению тайны души и мира.

Наталья Николаевна Фомина

*член-корреспондент РАО, д-р пед. наук, профессор; заведующая лабораторией музыки и изобразительного искусства
Института художественного образования и культурологии РАО*

Я потрясена жизненным путем о. Георгия Кочеткова, полным коллизий, борьбы, духовных исканий. Более всего меня поразило, что десятилетний мальчик почувствовал свой путь, смысл существования на этом свете и главное (для меня) значение искусства в духовном самоопределении. Человек необыкновенно сильной воли и целеустремленности. В наше время создать богословский институт, научный журнал, братство, на уровне диссертаций осмыслить сложнейшие проблемы богословия, обратиться к веру десятки тысяч людей! Все это поразительно.

Мне хочется присоединиться ко всем поздравлениям и светлым пожеланиям выдающемуся просветителю нашего времени.

К юбилею главного редактора священника Георгия Кочеткова (поздравления членов редакционного совета) // Вестник Свято-Филаретовского института. 2020. Вып. 36. С. 9–23.